

препятствия на пути преодоления политического кризиса в калмыцком обществе. Успешное подавление сопротивления внутренней оппозиции и внешних врагов помогло ему привлечь симпатии калмыцкого народа, особенно старших тайшей, поначалу относившихся к нему с недоверием. Укрепление русско-калмыцких отношений стало своего рода продолжением политики Дайчина и Мончака, видевших в этом главную гарантию безопасности калмыцких кочевий.

Шерть 1673 г. открыла новый этап в истории русско-калмыцких отношений XVII в. Она во многом по характеру и содержанию не отличалась от предыдущих подобных документов, но обе стороны после непродолжительного политического кризиса на юге России и в калмыцком обществе смогли достичь соглашения, используя уже накопленный опыт предыдущих поколений. Следование традиции взаимной поддержки в условиях сложной международной ситуации в Восточной Европе предопределило укрепление позиции России в этом регионе, а калмыцкое общество обрело на некоторое время внутреннюю стабильность.

Список источников

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература

Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 4. 1645–1676. СПб., 1842.

Габан Шараб. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // Лунный свет: Калмыцкие историко-

литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 80–107.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 6. СПб., 1857.

Загоровский В. П. Изюмская черта. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1980. 239 с.

Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 285 с.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 1. 1666 — июнь 1670 гг. / сост. Е. А. Швецова. М.: Наука, 1954. 323 с.

Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685: сб. документов / сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 1996. 360 с.

Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). М.: Наука, 1994. 223 с.

Норбо Ш. Зая-Пандита (материалы к биографии) / пер. со старомонг. яз. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.

Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1672–1675 гг. / сост. Н. М. Рогожин, М. М. Батмаев. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 315 с.

Раднабхадра. «Лунный свет»: История рабджам Заяпандиты / пер. с ойрат. яз. Г. Н. Румынцева и А. Г. Сазыкина. СПб.: Петербург. Востоковед., 1999. 176 с.

Тепкеев В. Т. Политический кризис в калмыцком обществе в конце 60-х и в начале 70-х гг. XVII века // Вестник КИГИ РАН. № 2. Элиста, 2008. 138 с.

Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 191 с.

Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. Т. 1. SPb., 1776. 222 с.

УДК 323.3.01/.06 + 323.39
ББК 63.5

ЭТНИЧЕСКАЯ ГРУППА ДЕЕД ЛАМИН ШЕВНР: ИЗ ИСТОРИИ ШАБИНЕРОВСКОГО СОСЛОВИЯ ЯНДЫКОВСКОГО УЛУСА В XIX ВЕКЕ*

В. В. Батыров

В конце XVIII в. калмыцкое общество подразделялось на три основных сословия: привилегированное сословие нойонов и зайсангов (калм. *цаһан ясн* 'белая кость'), буддийское духовенство и сословие зависимых

от них калмыков-простолюдинов. Последнее сословие в свою очередь подразделялось на албату, кетченеров и шабинеров, которые составляли низший социальный слой калмыцкого общества (калм. *хар ясн* 'чер-

* Исследование выполнено по проекту «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика» подпрограммы «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (2009–2011 гг.).

ная кость'). Шабинеры условно делились на две группы: переданные в подчинение хурулам и переданные в услужение священнослужителям.

Специальные исследования, посвященные истории шабинерского сословия Калмыкии в указанный период, появились в основном в советское и постсоветское время. Из трудов, написанных по истории шабинеров, в первую очередь можно выделить работы таких исследователей, как А. И. Карагодин [1977], Г. О. Авляев [1974], Г. Ш. Дорджиева [1995], А. Г. Митиров [2003], Э. П. Бакаева [2007] и др. Тем не менее исследуемая в данной работе этническая группа *деед ламин шевнр*¹ оказалась за рамками внимания указанных выше авторов.

Наименование *шабинер* (калм. *шевнр*) происходит от слова *шаби/шав* 'ученик в буддийском монастыре'. В более поздние периоды шабинерами стали называться семьи простолюдинов, которые передавались владельцами улусов в виде дара или пожертвования отдельным буддийским священнослужителям или монастырям (хурулам). Эти люди становились собственностью буддийской церкви и назывались шабинерами, к XIX в. они находились почти во всех улусах. Шабинеры несли подати и повинности в пользу буддийского духовенства. Их окончательное оформление как сословия произошло в 1825 г., когда Комиссия калмыцких дел предписала калмыцкому духовенству передать шабинеров или их родственников, не имевших «духовного звания», в собственность хурулов [Дорджиева 1995: 52], в результате чего все шабинеры стали собственностью духовенства.

В дореволюционный период авторы, которые упоминали в своих работах шабинеров, не касались вопроса об определении их социальной и этнической принадлежности, воспринимая их как данность. Так, в начале XIX в. Н. Страхов указывал, что «для обеспечения праздной жизни духовенства, лженабожные Калмыцкие Владельцы в прислугу и для доходов Хурулам (монастырям) отдают на вечное владение целые хотоны, по нашему целые рода или отделения подвластных» [Страхов 1810: 25]. Позже другой исследователь Н. Нефедьев одним из первых отметил, что шабинеры «подразделяются еще на два разряда: 1. Ламаин-Ша-

бинеров и 2. Хурульских шабинеров, т. е. на зависящих от ламы и хурулов, коим они издавна пожертвованы владельцами, точно как некогда были приписываемы крестьяне к монастырям в России» [Нефедьев 1834: 100]. П. Небольсин свидетельствовал, что «„шабинеры“ суть такие из простых калмыков, право на управление которыми передано владельцами, вместе с правом на личные послуги, хурулам» [Небольсин 1852: 20].

А. Г. Митиров приводит в пример сообщение неизвестного нам бодокчея, который в 1746 г. писал: «При Аюке хане, при Дарме Бале и Галдан Данжине не токмо какие поборы з бурхановых шабинеров брать ни одной копейки никогда не бралось, и никаких дел, кроме отправления духовных служб у них, шабинеров не имелось» [Цит. по: Митиров 2003: 262]. Поскольку шабинеры не несли повинностей и не платили податей в пользу нойона-улусовладельца, то положение шабинеров в отличие от албату было более привилегированным, поэтому при любой возможности представители албату старались избежать всех этих тягот. Так, например, в начале XVIII в., после смерти хана Аюки, появилось много подложных увольнительных писем, полученных обходными путями. М. М. Батмаев, приводя в доказательство письмо наместника Калмыцкого ханства Убаши на имя В. Н. Татищева от 30 ноября 1742 г., отмечает, что после смерти Аюки «шабинеров ... весьма умножилось» [Батмаев 2002: 192].

Необходимо заметить, что в дореволюционной литературе шабинерские группы обычно указывались как рода (этнические группы), но в советский период преобладала точка зрения о том, что шабинеры больше являются социальной группой, объединенной общим происхождением. Необходимыми условиями для существования социальной группы² являются: «во-первых, фактическое закрепление ... за агентами, из которых складывается группа ... всех

¹ В переводе с калмыцкого языка *деед* означает «высокопочтимый», а *деед ламин шевнр* — «шабинеры высокопочтимого ламы».

² Категория «социальная группа» является одной из самых трудных для понимания в силу значительного расхождения с обыденными представлениями. Это не просто совокупность людей, объединенных по формальным или неформальным признакам, а групповая социальная позиция, которую занимают люди [Качанов 1996: 94]. Понятие же «этническая группа» включает в себя версию об общем происхождении, общую историческую память, особую территорию, а также чувство групповой солидарности [Тишков 2003: 212] (ср.: «Этническая группа — внутреннее подразделение этноса, обладающее самосознанием» [Бромлей 1983: 15]).

видов, выступающих в данном контексте в качестве средств производства; во-вторых, «привязка» (посредством многообразных процессов разных уровней: интериоризации, социализации, воспитания, внушения и т. д.) этих агентов к некоему габитусу (понимаемому, ... как система устойчивых, переносимых из одной сферы действия в другую практических схем или диспозиций, которая выполняет функцию производящего базиса практик) и к стилю жизни. <...> Третьим важнейшим условием указанной выше возможности выступает бытие социальной группы в качестве практической (мобилизованной для совместных действий) группы — приведенной в деятельное состояние группы-для-себя, готовой к борьбе за сохранение и/или развитие своей социальной позиции» [Качанов 1996: 95]. Соответственно большинство исследователей признавали тот факт, что шабинеры несли подати и повинности в пользу буддийского духовенства. Они были обязаны подчиняться руководству хурула, пасти хурульный скот и выполнять различные подсобные работы (заготавливали корма, топливо, домовые работы и пр.) [Батыров 2006: 32].

Исходя из нескольких признаков этой группы (происхождения, их неопределенного статуса и сложного состава), многие историки считали, что шабинеры относятся не к этническим, а социальным группам [Бромлей 1983: 129]. Одним из первых это отметил историк Г. О. Авляев, который в одной из своих работ писал, что этноним *шабинеры* отражает особые пожалования отдельным монастырям в виде шабинеров — особых социальных групп кочевников, находившихся в распоряжении монастырей или отдельных священников [Авляев 1973: 130]. Поэтому в дальнейшем Г. О. Авляев указывал, что упоминание о группах шабинеров в XIX в. в составе дербетских и торгутских улусов как об этнических группах «рода» является ошибкой, поскольку эти группы являлись социальными и их появление было связано с распространением буддизма среди ойратов в XVII в. [Авляев 1974: 142].

Однако позже при более внимательном изучении социально-экономического положения шабинеров ученый А. И. Карагодин сообщал, что указанные повинности относились не ко всем шабинерам, и в доказательство приводил характеристику шабинеров, данную хошутским нойоном Тюменем, отмечавшим, что «не все жертвуемые хуру-

лами люди были заняты служением в оных» [Цит. по: Карагодин 1977: 34]. Данный факт отчасти опровергает факт определения шабинеров только как социальных групп.

После ухода калмыков в Джунгарию и последовавшей за тем ликвидацией Калмыцкого ханства в улусах стала проводиться целенаправленная политика по ограничению и лишению автономных начал в управлении калмыками на фоне роста их подчиненности администрации. В 1834 г. было учреждено Ламайское духовное правление, в положении которого указывалось, что «прежние времена приписанные кибитки калмыков к каждому храму назывались шабинерами и были в управлении хурулов, а ныне вошли оные в состав людей, отбывающих всякие государственные повинности, оставя лишь одно название монастырских» [Цит. по: Митиров 2003: 268].

Рассматривая историю изучения указанного сословия, можно предположить, что неопределенность в статусе шабинеров и их роли в обществе связана с тем фактом, что шабинеры Калмыкии на протяжении первой половины XIX в. прошли сложный и долгий путь трансформации из социальных групп в этнические. Причин отрицать потенциальную возможность трансформации социальных групп в этнические нет, в истории Калмыкии такие прецеденты уже отмечались (например, кетченеры и пр.) [Авляев 2002: 98].

В фондах Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК) хранятся дела, которые проливают свет на вопросы появления шабинеровых родов и их преобразования в этнические группы из социальных. Одно из таких дел посвящено урегулированию социального статуса рода деед ламин шевнр Яндыковского улуса [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 32].

В материалах дела указано, что 31 мая 1844 г. помощник попечителя Яндыковского улуса Протопопов³ представил в Совет калмыцкого управления прошение старшины Окин Манзурукаева «рода» деед ламин шевнр об «освобождении 10 кибиток от платежа денег, „следующих в доход владельческий...“». В нем можно найти также сведения о том, что от этой повинности они были освобождены с «давних лет владельцами торгутовских улусов по родству их с ламой Лузанг джамбою, и только лишь употреблялись на службу при хурулах, со-

³ Имя и отчество не указано в документе.

ставляя прислугу хурульную» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 1]. Надо сказать, что в 1844 г. упомянутые выше 10 кибиток и составляли весь состав деед ламин шабинеров [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 3].

В списке прошения «Лузанг джамбы, ламы Шабинерова рода старшины Дед Ламин Шабинерова рода Окина Манзурукаева, на имя управляющего Яндыковским улусом г. помощника Протопопова» указывалось, что «хотя мы и находимся под управлением владельческим», но «72 года тому назад <...> бывшие в те времена владельцы по родству дедов моих Санжи, Аджу и Нохо в трех кибитках [передали указанных калмыков в услужение (здесь и далее комментарий автора — В. Б.)] состоявших поясненному ламе Лузанг Джамбы податей с рода нашего не брали и от всех повинностей улусных были свободны употребляясь только единственно на службу Ламинскую, после того по прошествии 52 лет были куплены для ламы нашего 7 кибиток крестьян, которых тогдашний Владелец на таких же правах оставил при Ламе на каких находились мы и так с тех времен и до сего времени все Владельцы управлявшие улусом нашим не изменяли сего установления, а что мы действительно находились на сих правах, то обо всем этом известно нашего улуса восьми хурулов начальниками всему обществу, сверх того известно также и хошоутовскому Владельцу полковнику Тюменеву» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 2. 2 об.].

Соответственно из обстоятельств дела выясняется, что деед ламин шабинеры появились в 1772 г. из калмыцких семей, которые были переданы в услужение «деед ламе» Лузанг Джамбе Яндыковского улуса, причем переданные в услужение три семьи были родственниками вышеуказанного ламы. Не имея возможности указать сведения о степени распространенности практики передачи в сословие шабинеров родственников духовных лиц, утверждаем, что образование социальной группы было связано с личностью священнослужителя Лузанг Джамбы, который, очевидно, являлся выходцем из податного сословия. Сами шабинеры называли основателя рода Лузанг Джамбу высокочтимым ламой (*деед лама*), но небольшое количество подаренных шабинеров позволяет сделать предположение, что он не являлся одним из высших буддийских иерархов Яндыковского улуса.

А. И. Карагодин сообщал, что указанные 7 кибиток были куплены у надворного советника Воронина [Карагодин 1977: 40].

После 1771 г. российская администрация в целях обеспечения контроля за деятельностью буддийской церкви в Калмыкии разработала и провела в жизнь ряд мероприятий по ограничению ее самостоятельности. Данное решение губернатора П. Е. Чистякова стало одной из последних причин по сближению социально-экономического положения шабинеров с остальными податными группами и соответственно дальнейшему размыванию их особого привилегированного статуса в калмыцком обществе. Понятно, что отсутствие различий в социальном статусе между шабинерами и албату послужило одной из причин трансформации шабинеров из социальных групп в этнические. Исследователь А. И. Карагодин выделял в истории института шабинеров три этапа развития. В третий период, который, по мнению А. И. Карагодина, начинался со второй трети XIX в., шабинеры превратились в обычное податное сословие [Карагодин 1977: 47–48]. Как писала Э. П. Бакаева, «окончательный контроль над церковной организацией со стороны царской администрации установился с принятием „Положения...“ 1847 г.» [Бакаева 1994: 39].

В дальнейшем при выяснении социального статуса деед ламин шабинеров были обнаружены сведения буддийского духовенства Яндыковского улуса. Так, от лица приведенных в качестве свидетелей улусного духовенства выступил бакши Яндыковского улуса Лузанг Цюрюм, который в своем письме в Ламайское духовное правление от 6 августа 1844 г. сообщал, что «означенные 10-ти кибиток калмыки никаких польз для хурульских потребностей не приносят. В протчем, когда был Лама, тогда они обще с духовенством, владельцем и протчими калмыками улуса Яндыковского все повинности ламайские отправляли надлежащим порядком да и после смерти ламы таким же самым порядком отправляют они только да сего времени по обряду нашему нужные потребности в память покойного Ламы, находясь при его столе и неотбывают они албана и кардона» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 4].

Из содержания письма становится понятно, что упомянутые шабинеры находились в благоприятном положении: они не несли повинностей ни в пользу хурула, ни

в пользу улусного владельца (в том числе не несли кордонной службы), а также не платили как общеулусных, так и хурульных податей. Единственной обязанностью, которую они постоянно отбывали, было проведение различных обрядов в память покойного своего ламы Лузанг Джамбы.

Возникшая путаница в вопросе о социальном статусе шабинерских родов Калмыкии побудила Совет Астраханского калмыцкого управления в лице товарища⁴ Главного попечителя Николаева сделать запрос в Ламайское духовное правление от 5 декабря 1844 г. В запросе указывалось, что «г. Вице-губернатор полагая, что кроме означенных просителей есть еще в других улусах подобного рода калмыки: т. е. шабинеры, которые в последствии могут ходатайствовать о том же... предлагает Совету собрать верные и полные сведения: в каких улусах, при каких хурулах и сколько находится калмыков-шабинеров, которые по прежним правам и обычаям в калмыцком народе избавляются от платежа денежных податей и натуральных повинностей, которые несут вообще калмыки по силе означенного положения (1834 г.), и на каких актах таковое избавление может быть основано при чем просит не упустить из виду предложение его от 25 мая сего года за № 3 690 по просьбе зайсанга Наран Доржаева о шабинерах его» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 7]. Основываясь на этих данных, Совет запрашивал сведения о шабинерах и в Ламайском духовном правлении [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 6 об.]. Более того, Совет определил «предписать всем улусным попечителям и помощнику Протопопову, собрать полные сведения о калмыцких шебенерах» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 7].

Решение вопроса о статусе деед ламин шабинеров было принято только в 1846 г., когда Совет Астраханского калмыцкого управления 1 марта уведомил Ламайское духовное правление о том, что «Совет калмыцкого управления от 2 мая 1845 г. за № 1 232 представлял на разрешение г. Исправляющему должность Астраханского военного губернатора об избавлении некоторых калмык шабинерова рода от платежа албана, определенного ... (Положением от 24 ноября 1834 г.). На это ... г. Контр-адмирал Чистяков от 16 января 1846 г. За № 377 уведо-

⁴ Чиновник, который занимал должность заместителя.

мил Совет, что он входил с мнением своим по сему предмету к г. Управляющему Министерством государственных имуществ... 17 августа (1846 г.) <...> на которое получил предписание... Министра государственных имуществ, что ... его сиятельство и с своей стороны, согласно с мнением его находит, что те из шебенов, кои проживают в казенных улусах не имеют прав ни на какие изъятия в отправлении повинностей, а должны исправлять оныя наравне с другими калмыками казенного ведомства... то Совет ... просил разрешения ... (Чистякова) воспретить ли употребление шебенов для услуг хурульных и духовенству или оставить при оных с обязанием духовенство вносить от хурулов своих за тех шебенов казенную повинность» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 35. Л. 1, 1 об.].

В конечном итоге военный губернатор Астраханской губернии контр-адмирал Петр Егорович Чистяков 18 февраля 1846 г. уведомил Совет, что «шебены, принадлежащие к казенным улусам, не имеют права ни на какие изъятия в отправлении повинностей, а должны исправлять оныя наравне с другими калмыками казенного ведомства (а хурулы должны оплачивать им работу) ибо только лица из состоящих при хурулах их имеют от исполнения улусных повинностей, кои входят в состав хурульных штатов, высшим начальством утвержденным» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 35. Л. 1, 2]. На основе данного решения Советом было составлено уведомление для управляющих Багацохуровским, Харахусовским и Яндыковским улусами [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 35. Л. 2 об.].

Соответственно, когда в 1846 г. шабинеры казенных улусов были поставлены в такое же положение, что и прочие податные группы калмыков, это стало причиной последовавшей затем утраты части специфичных привилегий и дисфункции социального института шабинеров. Следует заметить, что уход из жизни ламы Лузанг Джамбы привел к тому, что деед ламин шабинеры уже не выполняли к тому времени возложенных на них обязанностей. Это вызывает вопросы по их дальнейшему определению как социальной группы при отсутствии необходимых условий для ее функционирования.

Несомненно, что в дальнейшем после смерти ламы Лузанг Джамбы обособленное

и постоянное проживание на территории Яндыковского улуса шабинеров, связанных между собой общим происхождением с остальным населением улуса, которое принадлежало к субэтносу *торгутов*, а также объединенных друг с другом общей историей, обычаями и осознающих себя как единое целое, привело к формированию их этнической идентичности. В. А. Тишков считает, что версия об общем происхождении, общая историческая память, особая территория и чувство групповой солидарности являются признаками этнической общности [Тишков 2003: 212]. Появление у деед ламин шабинеров специфических черт этнической группы приводит нас к выводу о выделении указанной группы из социального сословия шабинеров. Как отмечал А. И. Карагодин, «с последней трети XVIII в. начала появляться значительная группа шабинеров, обозначаемая своим обычным родовым названием, поскольку находилась в тех же отношениях к калмыцким феодалам, что и другое податное население Калмыкии» [Карагодин 1977: 39]. Можно привести в пример и тот факт, что старшина деед ламин шабинеров называет свою группу не иначе как «род». Следовательно, с начала XIX в. в результате группового самовыделения деед ламин шабинеров из среды остальных шабинеров можно рассматривать их не только как социальную группу, но и этническую.

Дальнейшую судьбу этнической группы деед ламин шевнр проследить довольно трудно, т. к. в последующие периоды название *деед ламин шевнр* в архивных документах не встречается. Однако известно, что в середине XIX в. в Яндыковском улусе существовала небольшая группа ламин шабинеров численностью в 7 кибиток [НА КИГИ РАН. Ф. 6. Оп. 2. Д. 366. Л. 101–108]. Указанные шабинеры кочевали вместе с Яндыковским большим хурулом [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58. Л. 23]. Можно только предположить, что данная этническая группа в силу своей малочисленности вошла в состав хурульных шабинеров и частично изменила свое название.

Таким образом, в результате разных причин, в частности отсутствия различий в социальном статусе между шабинерами и албату, социальная группа шабинеров трансформировалась в этническую. Появившаяся в 1772 г. социальную группу шабинеров, оформленную как находящуюся в услуже-

нии у ламы Лузанг Джамбы, на протяжении XIX в. можно одновременно определять и как этническую группу.

Список источников

- Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 32.
НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 35.
НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58. Л. 23.
Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований (НА КИГИ РАН). Ф. 6. Оп. 2. Д. 366.

Литература

- Авляев Г. О. К вопросу о «шебенерах» и «кетчинерах» в составе калмыцких улусов Астраханской губернии // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. № 9. Сер.: История. Элиста, 1974. С. 139–154.
Авляев Г. О. Опыт классификации калмыцких этнонимов (в порядке постановки проблемы) // Этнографические вести. № 3. Элиста, 1973. С. 127–135.
Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX — I четверть XVIII вв.). 2-ое изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 248 с.
Бакаева Э. П. Богдо Далай-ламин хурул и этническая группа калмыков «богдоин шабинеры» // Восточные исследования в Калмыкии: сб. науч. тр. Элиста: КГУ, 2007. Вып. 2. С. 56–62.
Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.
Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.
Батыров В. В. Социальная структура калмыков // Научная мысль Кавказа. № 3. 2006. С. 30–36.
Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
Дорджиева Г. Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII — начало XX вв.). Элиста: Джангар, 1995. 126 с.
Карагодин А. И. К истории шабинерского сословия Приволжских калмыков (XVIII — первая половина XIX вв.) // Ламаизм в Калмыкии. Элиста, 1977. С. 34–49.
Качанов Ю. Л., Шматко Н. А. Проблема реальности в социологии: как возможна социальная группа? // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 90–105.
Митиров А. Г. Шабинеры // Вестник КИГИ РАН (Вып. 18). Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 259–273.
Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: тип. Карла Крайа, 1852. 189 с.
Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках собранные на месте Н. Нефедьевым. С.-Петербург, 1834. 314 с.
Страхов Н. Нынешнее состояние калмыков. С привоскуплением Калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их Веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни Савардин. СПб., 1810. 174 с.
Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.